

М. А. Филимонова
СЕН-ЖЮСТ как АРХЕТИП РЕВОЛЮЦИОНЕРА
в ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ. ЧЕЛОВЕК.

Курск, 2003. С.423-433.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

*Сен-Жюст остался на грани,
где история смыкается с легендой
А. Мальро*

Французскую революцию конца XVIII века с полным основанием можно счесть событием, потрясшим умы человечества более, чем любое другое до 1917 г. Вероятно, никакая другая революция, за исключением Октябрьской, не вызывала такой же сильной реакции социального страха. Вспоминается гротескная фигура мелкого итальянского правителя в «Пармской обители» Стендаля. Хотя ко времени, описанному в романе, давно восторжествовала Реставрация, этот несчастный принц все же каждый вечер заглядывает под кровать: не прячется ли там агент якобинского Комитета общественного спасения?

Европейская литература по-своему откликнулась на это впечатление. Множество писателей, от гениальных до бездарных, пытались воссоздать облик Французской революции, осмыслить ее. И почти всем произведениям на эту тему, от «Повести о двух городах» Ч.Диккенса, до «Боги жаждут» А.Франса, свойственно трагическое недоумение, а то и откровенный ужас перед революцией, в которой возвышенная красота идеи сочетается с жестокостью террора. Такой ее образ обязан своим происхождением, разумеется, не только романам. Литература и отражает существующие стереотипы, и преобразует их, и создает на их основе новые образы. Сформированный историками и воспоминаниями современников образ революции и революционеров со страниц литературных произведений проникает в массовое сознание.

Луи Антуан Сен-Жюст, самый молодой политик якобинского правительства, ближайший друг и соратник Робеспьера, быть может, ярче, чем кто-либо другой, воплотил в представлении потомков это сочетание красоты и безжалостности. Как и Робеспьер, он воспринимался потомками как законченное воплощение якобинца. Но есть между ними и различия. В массовом сознании образ Сен-Жюста всегда ассоциировался скорее с романтикой революционной борьбы, нежели с рутинной политической жизни. Кроме того, он, собственно, воспринимался не столько как вождь революции, сколько как ее рыцарь.

Дополнительную яркость образу Сен-Жюста сообщает то, что еще при жизни вокруг него начинает складываться легенда. С самого начала его политической деятельности этому способствуют его юность и яркая красота, благодаря которой современники сравнивали его с ангелом, а также свойственное ему чутье на «знаковые» поступки.¹ Его трагическая гибель в возрасте всего лишь 26 лет придает легенде о нем налет романтической печали. И даже много времени спустя Сен-Жюст остается столько же предметом исторических исследований, сколько персонажем мифа.²

Всем этим в большой степени обусловлено то, что образ Сен-Жюста - такой, каким он остался в европейской исторической традиции, - воспринимается как архетип, на основе которого строится представление о революционерах вообще.

Для исследования формирования этого образа и его особенностей определенную ценность имеют, в частности, романы А.Дюма-отца, т.к. они рассчитаны на уровень массового сознания и отражают его стереотипы.

Тема Французской революции раскрывается в целом ряде произведений А.Дюма. Это романы «Анж Питу», (1851), и «Графиня Шарни» (1852) из цикла «Записки врача»; «Белые и синие» (1867-1868); диалогия «Сотворение и искупление» (1869-1870), состоящая из романов «Таинственный доктор» и «Дочь маркиза».³

Политическая позиция, которую автор занимает в этих романах, различна.⁴ В более ранних «Записках врача» из всех политиков революционной эпохи Дюма избирает на роль идеального лидера О.Г.Мирабо, одного из вождей партии фельянов, сторонника конституционной монархии. Причем идеализируется он именно за то, что революционеры сочли его в свое время изменником - за попытки остановить революцию, за тайные переговоры с королевским двором, за ту двойную игру, которую он вел в 1790-1791 гг.⁵ В беседе с главным героем романа доктором Жильбером Мирабо жалуется на неблагодарность королевской четы: «Но ради чего же они не доверяют мне?»

За исключением двух или трех случаев, когда я доведен был до необходимости поразить их, чтобы дать им почувствовать силу моих ударов, разве я не принадлежал им вполне?.. Не восставал ли я против ночи 4 августа, которая лишила дворянство всех привилегий? Не протестовал ли я против провозглашения прав человека, так как еще не настало время для провозглашения этих прав?»⁶ Доктор Жильбер вполне сочувствует собеседнику. Он и сам пытается спасти монархию и предотвратить даже самые скромные политические реформы на всем протяжении романа.

В целом революция по мере своего развития предстает перед читателем ужасающей стихией, управляемой темными махинациями масонов⁷, с реками крови и страданиями невинных жертв. Революционный народ видится автору лишь в облике толпы, способной только на грабежи и убийства. Его стремления к лучшей, более счастливой жизни, к справедливости и равенству Дюма не видит точно также, как не видит объективного характера разворачивающихся событий.

Иногда сочувствие Дюма к гибнущим представителям Старого порядка пытаются объяснить законами жанра: в приключенческом романе те, кому суждено погибнуть, не могут быть отрицательными персонажами.⁸ Однако, как это часто бывает, сочувствие Дюма имеет ярко выраженную политическую окраску. Неслучайно исследователь манипуляции сознанием С.Г.Кара-Мурза выделяет сочувствие к слабым и беззащитным как один из самых распространенных приемов манипуляторов.⁹ Дюма старается вызвать это чувство у читателя лишь в отношении «своих». В сцене убийства Марата, например, все симпатии автора - на стороне убийцы, а не жертвы.¹⁰

«Сотворение и искупление» написано с несколько более левых позиций. Здесь, как и в «Белых и синих», отчетливо проявляется влияние историка-«дантониста» Ж.Мишле. Пространные цитаты из его «Истории Французской революции» не раз приводятся на страницах этих романов. Главный герой «Сотворения и искупления» - Жак Мере - уже не монархист, а республиканец, преданный не принципу монархии, а своей родине. В Конвенте, депутатом которого он становится, он сближается с либерально-республиканской партией Жиронды. Его социальную позицию лучше всего характеризует один эпизод. Когда Ж.Ж.Дантон вносит предложение отменить тюремное заключение за долги, Мере его называет «carnifex».¹¹ Так он оценивает попытку облегчить положение народа!

И хотя в этом романе Дюма решительно делает выбор в пользу новой Франции, созданной революцией¹², для него, по удачному выражению А.З.Манфреда¹³, все приемлемое в революции заканчивается на жирондистах и Дантоне. С Робеспьера и его сторонников начинается мир социального зла.

К этому «миру социального зла» принадлежит для него и Сен-Жюст. Вообще, на образ Сен-Жюста у Дюма (как и позднее у Л.Фейхтвангера) сильно влияет социальный страх элиты перед революцией, бунтом, ниспровержением социального порядка. Не случайно у обоих авторов так много сцен насилия, вандализма в отношении культурных ценностей, тюремного быта эпохи якобинской диктатуры - т.е. именно того, что должно способствовать нагнетанию социального страха. Точно также не является случайностью, что из всей многообразной деятельности Сен-Жюста, затрагивающей социальную, экономическую, культурную политику якобинской республики, вопросы конституционализма, реорганизации армии и многое другое¹⁴, Дюма выбирает лишь эпизоды, связанные с его участием в политике террора. Этой одномерностью автор предельно заостряет черты, которые соответствуют складывающемуся архетипу. Впечатление усиливается еще и тем, что романист не показывает его политической эволюции. На всем протяжении романов, охватывающих весь революционный период, он остается все тем же радикалом и «цареубийцей», каким впервые появляется в «Графине Шарни».

В его портрет, как и в описание Робеспьера и Марата, Дюма порой вводит элементы эстетического разоблачения, в других местах, впрочем, признавая его внешне привлекательность. В «Графине Шарни», например, он пишет: «В облике молодого человека, только вступающего в жизнь, было что-то странное, неживое. Он казался выходцем из загробного мира».¹⁵ [см. Марта. Образ Сен-Жюста в художественной литературе]

При этом он все же описан более доброжелательно, нежели Робеспьер и тем более Марат. Автор не отказывает ему в определенных достоинствах. Сен-Жюст в его изображении горячо предан своей стране, искренне верит в те идеи, за которые сражается, и готов все отдать во имя их торжества.¹⁶ Его цель, как он объявляет в сцене вступления в масонскую ложу, - свобода для Франции и всего мира.¹⁷

Во время переворота 9 термидора он единственный не пытается бежать, но остается до конца с раненым Робеспьером и умирает с улыбкой. Описывая, как беснуется толпа вокруг повозки, увозящей робеспьеристов на эшафот, героиня романа признается: «Я никогда не забуду, с каким спокойным и гордым видом этот молодой человек, единственный, кто не пытался ни спастись, ни покончить с собой, взирал на этот хоровод фурий и слушал их проклятия».¹⁸

В то же время Сен-Жюст в изображении Дюма совершенно непреклонен, холоден, не способен испытывать сострадание. Во имя революции он готов пожертвовать кем угодно. В этом отношении он даже более жесток, чем Робеспьер. Его речь о суде над королем кажется романисту столь «ужасной», что в «Графине де Шарни» он даже отказывается пересказать ее.¹⁹ В том же романе Дюма описывает поведение двух якобинских лидеров во время так называемых «сентябрьских убийств» 2-5 сентября 1792 г. В эти дни парижские санкюлоты, напуганные слухами о возможном восстании контрреволюционеров в тюрьмах и возмущенные бездеятельностью правительства, убивали политических заключенных. У Дюма Робеспьер искренне жалеет гибнущих людей. Сен-Жюст же спокойно ложится спать, не понимая, что так взволновало его друга.²⁰ В связи с этим эпизодом появляется мотив, который станет обычным в литературе: Сен-Жюст настолько «бессердечен», вернее, так радикален, что это пугает даже Робеспьера.²¹

После Дюма Сен-Жюст неоднократно появлялся на страницах романов, посвященных Французской революции. Один из них - роман Л.Фейхтвангера «Мудрость чудака» (1952).

Он написан в совершенно иную историческую эпоху и с совершенно иных мировоззренческих позиций, нежели произведения Дюма. Хотя его главный герой - Фернан де Жирарден - такой же жирондист, как и Жак Мере из «Сотворения и искупления», и точно также становится жертвой террора, его отношение к якобинцам иное. Фернан сознает, что у него и Робеспьера одна цель, что жестокие меры революционеров против их врагов оправданы чрезвычайной ситуацией.²² Фейхтвангер, как и его герой, понимает величие исторической задачи якобинцев, но не может прочувствовать их пафос. Они кажутся ему не живыми людьми с горячей кровью, а какими-то ходульными фигурами, у которых утопические теории заглушили голос гуманности, брутальными и ликургами, перенесенными во Францию XVIII в. [см. Т.Черновверская. Античность в политическом дискурсе якобинцев и проблема понимания] Романист противопоставляет им аристократичного утонченного циника и эпикурейца Лепеллетье.²³

Видимо поэтому изображение Сен-Жюста у Фейхтвангера не слишком отличается от портрета, данного Дюма. Хотя Сен-Жюст является здесь лишь эпизодической фигурой, характеристика его весьма выразительна. Как и Дюма, немецкий романист из всех разнообразных сфер деятельности Сен-Жюста выделяет лишь одну - борьбу с контрреволюцией. Его отличительными чертами, по мнению автора, являются жгучий патриотизм и не менее жгучее честолюбие, слившиеся в единую страсть.²⁴

Автор наделяет его холодным красноречием, гипнотизирующим даже его противников, и колдовской властью над аудиторией, которую он способен зажечь одной фразой и успокоить одним движением пальца. В его речи о суде над королем (той самой, которая так напугала Дюма) Фейхтвангеру слышится «суровый неустойчивый шаг революции».²⁵ Таким образом, Сен-Жюст становится у него в известной мере олицетворением самой революции.

В то же время романист совершенно лишает его способности мыслить и действовать самостоятельно. В речи, которую произносит Сен-Жюст в Конвенте, идеи, слова и даже риторические фигуры принадлежат не ему, а Робеспьеру.²⁶ Соответственно он и воспринимает Неподкупного не просто как старшего друга и учителя, но как повелителя, способного даровать ему какие-либо милости, величайшего, единственного в истории властителя, который за пять лет сумел сделать то, к чему Римская республика шла пять веков.²⁷ И этот культ вождя, едва ли вообще возможный в рамках якобинской ментальности, с характерным для нее страхом единоличной власти, - тоже черта архетипа. Она очень ярко проявляется, например, в изображении Эвариста Гамелена, главного героя романа А.Франса «Боги жаждут».

И революция, и Сен-Жюст выглядят совершенно иначе в «Театре революции» Р.Роллана. Сен-Жюст действует в двух его пьесах - «Дантон» (1900) и «Робеспьер» (1938). В отличие от Дюма и Фейхтвангера, предпочитавших идеализировать Жиронду, Роллан в общем придерживается робеспьеристской ориентации, более отчетливой в пьесе «Робеспьер».²⁸ К Сен-Жюсту же он не только питал особую симпатию, но и взял его имя в качестве псевдонима при издании своей пьесы «Волки».²⁹

По единодушному признанию критиков, «Робеспьер» ближе к исторической реальности, чем какая-либо другая из пьес Роллана.³⁰ Сен-Жюст в ней также ближе к реальной исторической личности и практически лишен стереотипных черт мифа. Именно поэтому данная пьеса не может нас здесь интересовать.

В пьесе «Дантон» и революция, и революционеры выглядят более одномерно. Роллан пытается показать здесь революцию как прежде всего столкновение идей.³¹ Конфликт двух великих монтаньяров он переводит в этическую плоскость. С одной стороны - Дантон, порочный, жадный до низменных удовольствий, но в то же время жертвующий собой во имя революции, чуждый ненависти и лицемерия. С другой - Робеспьер, морально безупречный, но измученный подозрительностью, неспособный доверять людям, видящий в гильотине средство решения всех

проблем республики. Соответственно, идеал дантонистов истолковывается как «республика Алкивиада», свободная прежде всего от морали, а идеал робеспьеристов - как пуританская республика.³² Социальный смысл их остается за кадром, и неясно, отличается ли в понимании Роллана пуританская республика робеспьеристов (давшая крестьянам землю), скажем, от пуританской республики английских индипендентов XVII в. (узаконившей сгон крестьян с земли). Хотя сам автор, о чем говорилось выше, предпочитал все же мораль Робеспьера, а не Дантона, из текста пьесы это предпочтение не очевидно. Большинство критиков сходятся на том, что в этой пьесе Роллан показывает робеспьеристскую и дантонистскую позиции как равно оправданные.³³

Какие же основные черты выделены в роллановской характеристике Сен-Жюста? Его образ в «Дантоне» напоминает героев великого французского драматурга Пьера Корнеля.³⁴ Как и у них, его внутренний мир до конца определяется его идеалами. И это снова «архангел смерти»³⁵, каждое слово которого разит с безжалостностью гильотины. О Сен-Жюсте - политическом реформаторе, государственном деятеле в пьесе ничего не сказано. Напротив, он неуютно чувствует себя в Париже, среди политических интриг и бесплодных дебатов. По-настоящему счастлив он только в армии. Именно там он с особой остротой ощущает всемирно-историческую миссию якобинцев - пронести революцию по всему миру. Он признается Робеспьеру: «Ночью, на аванпостах, среди неприветной снежной шири фламандской равнины, под бескрайним небом, я чувствую, как по всему моему телу пробегает трепет восторга... Мы одни, мы затеряны во мраке вселенной, окружены врагами, стоим на краю могилы, но мы - хранители разума в Европе, мы несем свет. От каждого нашего решения зависит судьба всего мира».³⁶

Как и герои Корнеля, он не знает колебаний, вызванных слабостью или страстью. Характеризуя все это друга, Робеспьер признается, что боится его. «Сен-Жюст - одушевленный меч революции, неутомимое оружие. Он и мною пожертвует ради своего железного закона», - говорит он своей возлюбленной.³⁷ Чуть позже это подтверждает сам Сен-Жюст.³⁸

Роллановский Сен-Жюст не знает ни жалости, ни терпимости. Он не способен признать огромные заслуги Дантона перед революцией. Он придерживается столь ригористической морали, что его шокирует цитата из «Орлеанской девственницы», фривольной поэмы Вольтера.³⁹ Даже смех он объявляет преступлением, когда Франция в опасности.⁴⁰ Роллан утрирует эти черты, говорящие о непреклонности фанатика. Он не приемлет этого, как он выразился однажды, «кровавого идеализма», который он, как ему кажется, видит в Сен-Жюсте.⁴¹ «Идеи не нуждаются в людях», - говорит Сен-Жюст в финале пьесы.⁴²

В «Дантоне» Сен-Жюст показан еще в одной ситуации - в ситуации мучительного нравственного выбора. Он хотел бросить обвинение Дантону в лицо, однако его коллеги по правительственным комитетам, боясь непредсказуемого результата словесной дуэли с лучшим оратором Конвента, решили арестовать Дантона той же ночью, еще до того как Конвент официально лишит его депутатской неприкосновенности. Это было, прежде всего, незаконно. Но Сен-Жюст (по крайней мере в пьесе) возмущен подлостью этой меры, он не желает нападать на безоружного врага. Оказывается, и у него есть своя слабость. Он мечтает пройти по окровавленному миру революционной Франции, ничем не запятнав своей чести. В пьесе член Комитета общественного спасения Н.Бийо-Варенн возражает Сен-Жюсту с позиций Н.Макиавелли и других теоретиков «государственного интереса»: «Будет осквернено сердце Сен-Жюста или нет, нас это не касается, нам нужно спасать республику».⁴³ Возразить против этой аргументации по существу Сен-Жюст не может и вынужден подчиниться. «Так возьми же мою честь, о Республика, если она нужна тебе», - восклицает он.⁴⁴ Следует отметить, что в основных чертах эта сцена соответствует исторической действительности.⁴⁵

Уже из приведенного беглого обзора видны черты определенного стереотипа. Если иметь в виду общее впечатление, перед нами прежде всего образ борца с контрреволюцией, скорее нежели политического лидера или трибуна. Именно эта черта доминирует над всеми остальными, и недаром основная ситуация, в которой его показывают все три рассмотренных автора, - это проведение политики террора.

В целом, его образ почти лишен индивидуальных человеческих черт. Это не столько личность, сколько воплощенная идея. Это молодой человек, фанатично преданный революционному вождю и не проявляющий собственной инициативы. Ему свойственна вера в утопический идеал, который он пытается воплотить в жизнь. Идеал этот одновременно и всеобъемлющ, и нечетко обрисован - это мировая революция, «свобода для Франции и для всего мира». Его социальный смысл неясен. Во имя этой цели революционер готов пожертвовать жизнью, ради нее отказывается от земных радостей, от самых дорогих привязанностей, ради нее посылает на смерть других. Он аскет, подвижник, едва ли способный испытывать нормальные человеческие чувства. На пути к утопии он не знает колебаний, не ведает жалости. Он настолько неутомим в борьбе с врагами, что это порой пугает даже революционных вождей, вдохновляющих его. В то же время он благороден, бесстрашен, искренне и до конца предан революции.

А.Собуль в свое время подчеркивал, насколько этот образ «архангела смерти» не соответствует реальному характеру Сен-Жюста. Из документов его деятельности в Рейнской армии вырисовывается облик совершенно иного человека, столь же убежденного и решительного, как в легенде, но при этом доброго и чувствительного, верящего в дружбу, верящего в жизнь и людям, страстного эгалитариста, полного любви к обездоленным.⁴⁶

Не отвечает этот стереотип и тому представлению о революционере, которому стремился следовать сам Сен-Жюст. В одной из своих речей он заявлял: «Революционер неутомим к злодеям, но он чувствителен... Он знает, что для упрочения революции нужно быть столь же добрыми, сколь некогда были злыми; его честность не ухищрение ума, но свойство сердца, само собой разумеющееся. Марат был мягким в своей среде, он внушал страх только предателям... Из этого я делаю вывод, что революционер - это герой здравого смысла и честности».⁴⁷

Однако миф живет по своим законам и не обязательно должен иметь под собой реальную почву. И в художественной литературе, и в историографии определенного направления, и в массовом сознании черты сложившегося образа Сен-Жюста становятся архетипом, на основе которого строится образ революционера вообще.

О том, насколько глубоко его черты укоренились в ментальности западной цивилизации, свидетельствует, в частности, такой феномен как легенда вокруг Эрнесто Че Гевары, в свою очередь ставшего воплощением революционной идеи. Возможно, что своей огромной популярностью он отчасти обязан тому, что его личностные черты в точности соответствуют архетипу. Как и у Сен-Жюста, частью его образа являются молодость, очаровательная внешность, благородство, политический радикализм, бескомпромиссное стремление воплотить в жизнь свою утопию и трагическая гибель. Как и Сен-Жюст, Че Гевара ассоциируется с романтикой мировой революции.

Другим примером влияния исследуемого архетипа является роман А.Франса «Боги жаждут». Желая воплотить в образе Эвариста Гамелена «типичного якобинца», он придает своему герою черты этого архетипа. Он наделяет Эвариста Гамелена не только юностью и красотой Сен-Жюста, но и фанатической верой в непогрешимую правоту Робеспьера, нравственным ригоризмом, безжалостностью и другими характерными особенностями, отличающими Сен-Жюста в легенде.⁴⁸

В том же ключе изображают революционеров те историки, которые стараются найти причины революции не в объективных социально-экономических и политических процессах, а в особенностях идеологии и ментальности ее лидеров. Следуя их логике, коль скоро психологические особенности якобинцев могли вызвать столь экстраординарное событие, как Французская революция, то характер этих людей должен быть необычным, лишенным нормальных человеческих черт. Ярким примером такого подхода является истолкование психологии якобинцев Г.Лебоном и целым рядом более современных исследователей.⁴⁹

Все это свидетельствует об устойчивости исследуемого архетипа и его непрекращающемся влиянии.

Примечания

1. Таких поступков, явно рассчитанных на эффект, немало в его биографии. Такова, например, клятва «умереть за отечество и Национальное собрание», которую он дает в 1790 г., держа руку над огнем, в подражание Сцеволе или, скорее, Ганнибалу. См.: *Hamel E. Histoire de Saint-Just, depute a la Convention nationale. Bruxelles, 1860 T.1 P.81-82.*
2. См. подробно: *Gross J.P. Saint-Just en mission: la naissance d'un mythe // Actes du colloque Saint-Just. P., 1968. P.37-70.*
3. Датировку произведений Дюма см.: *Glinel Ch. Alexandre Dumas et son oeuvre. Notes biographiques et bibliographiques. - Geneve, 1967; Bouvierr-Ajam M. Alexandre Dumas ou Cent ans apres. P., 1973.*
4. Вопрос о степени искренности взглядов, которые Дюма выражает в этих произведениях, здесь не рассматривается. Об этом см.: *Gaillard R. Alexandre Dumas. P., 1953. P.220-238; Perret J. Preface // Dumas A. Joseph Balsamo. P. 1967. P.9; Мошенская Л.О. Непривычный Дюма. (Цикл романов А.Дюма о Великой французской революции) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1998. № 4. С.77-87.*
5. *Дюма А. Графиня Шарни: В 2 т. - Курск, 1993. Т.1. С.303-308, 481.*
6. Там же. С.386. Приведенные факты биографии Мирабо в целом соответствуют действительности, что подчеркивает большую, чем обычно у Дюма, историческую точность этих романов. См.: *Barthou L. Mirabeau. P., 1913. P.175, 177-178.*
7. О роли масонов и тому подобных тайных организаций в романах Дюма см.: *Jan I. Alexandre Dumas, romancier. P., 1973. P.149.*
8. *Мошенская Л.О. Непривычный Дюма. С.84.*

9. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
10. Дюма А. Собрание сочинений: В 50 т. Т. 27. М., 1998. С.466-479.
11. Carnifex - палач, изверг (лат.). Дюма А. Собрание сочинений. Т.27. С.322.
12. Там же. С.201.
13. См.: Манфред А.З. Споры о Робеспьере // Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С.369.
14. См. об этом напр.: Derocles P. Saint-Just. Ses idees politiques et sociales. P., 1937; Dommanget M. Saint-Just et l'education // Annales historiques de la Revolution francaise. 1968. Janvier-mars; Michalet Ch.A. Economie et politique chez Saint-Just. L'exemple de l'inflation // Actes du colloque Saint-Just. P.151-202; Troper M. Saint-Just et les probleme du pouvoire executive dans le discours du 24 avril 1793 // Ibid. P.13-22; Чупрун Н.И. Сен-Жюст и вантозские декреты // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С. 406-472; Левандовский А.П. «Свобода должна победить...» (Миссия Сен-Жюста в Эльзасе) // Человек и закон. 1981. № 9.
15. Дюма А. Графиня де Шарни. Т.1. С.443; ср. также: Дюма А. Собрание сочинений. Т.26. М., 1995. С.76; Т. 27. С.261-262.
16. Дюма А. Собрание сочинений. Т.26. С.79.
17. Дюма А. Графиня де Шарни. Т.1. С.444. В «Записках врача» мотив масонского заговора является одной из главных пружин действия. Однако в действительности Сен-Жюст не был масоном. См.: Vinot B. Saint-Just. P. 1985. P.123-125.
18. Дюма А. Собрание сочинений. Т.27. С.597.
19. Дюма А. Графиня де Шарни. Т.2. С.586.
20. Там же. С.519-520. Э.Амель приписывает авторство этого рассказа А.Ламартину. Реальной основы он не имеет: Сен-Жюст не был в то время в Париже и еще не познакомился с Робеспьером. См.: Hamel E. Histoire de Saint-Just. Т.1. P.118-119, 121.
21. Ср.: Левандовский А.П. Робеспьер. М., 1965. С.168-169.
22. Фейхтвангер Л. Мудрость чудака, или Смерть и преображение Жан-Жака Руссо. М., 1956. С.405, 439. Об образе Фернана см. подробно: Pischel J. Lion Feuchtwanger: Versuch uber Leben und Werk. Leipzig, 1983. S.231-236.
23. Напр.: Фейхтвангер Л. Мудрость чудака. С.303, 333, 348, 355.
24. Там же. С.344.
25. Там же. С.346.
26. Там же. С.347.
27. Там же. С.341-342, 411-412.
28. Об отношении Роллана к Робеспьеру см.: Мотылева Т.Л. Трагедия Ромена Роллана «Робеспьер» // Французский ежегодник. 1972. М., 1874. С. 222-232.
29. Ilberg W. Der schwere Weg. Leben und Werk Romain Rollands. Schwerin, 1955. S.44.
30. Descotes M. Romain Rolland. P., 1948. P.95; Вановская Т.В. Ромен Роллан. 1866-1944. М.; Л., 1957. С.163.
31. Steck R. Romain Rollands Revolutionsdrama «Danton»: Diss. Tubingen, 1973. S.95-100.
32. Роллан Р. 14 июля. Дантон. Робеспьер. Драммы. М., 1989. С.134-145.
33. Kampf M. La correction de la vie heroique dans l'oeuvre de Romain Rolland. - P., 1956. - P. 78; Scanno T. di. Romain Rolland. L'uomo e l'opera. - Parma, 1957. P.165; Петрова Е.А. «Театр революции» Ромена Роллана. Саратов, 1979. С.140. Немецкий исследователь Р.Штек находил здесь двойственность источников, возводя образ Дантона в пьесе к работам историка-«дантониста» А.Олара, а Робеспьера - к монографии «робеспьериста» Э.Амеля. (Steck R. Romain Rollands Revolutionsdrama «Danton». S.54-55, 68) Выражались и иные точки зрения. Е.М.Евнина, например, считала пьесу дантонистской (Евнина Е.М. Западноевропейский реализм на рубеже XIX-XX вв. М., 1967. С.205); В.Е.Балахонов - робеспьеристской (Балахонов В.Е. Ромен Роллан и его время. ранние годы. Л., 1972. С.177.).
34. О героическом характере у Корнеля см.: Prigent M. Le heros et l'Etat dans la tragedie de Pierre Corneille. P., 1988. О влиянии Корнеля на Роллана см.: Kampf M. La correction de la vie heroique dans l'oeuvre de Romain Rolland. P.19-23.
35. Выражение Ж.Мишле.
36. Роллан Р. 14 июля. Дантон. Робеспьер. С.161.
37. Там же. С.159.

38. Там же. С.162.
39. Любопытно, что в действительности «Орлеанская девственница» была одним из любимых произведений Сен-Жюста. В юности он даже сам пытался написать поэму в подражание ей.
40. *Роллан Р.* 14 июля. Дантон. Робеспьер. С.162.
41. *Мотылева Т.Л.* Трагедия Ромена Роллана «Робеспьер». - С.224.
42. *Роллан Р.* 14 июля. Дантон. Робеспьер. С.202.
43. Там же. С.171.
44. Там же. Эта дилемма личной честности и «государственного интереса» не нова для Р.Роллана. Подобный конфликт встречался в его драме «Волки», причем автор не мог сделать выбор между этими двумя позициями. См.: *Вановская Т.В.* Ромен Роллан. С.73-76, 106-107.
45. *Vellay Ch.* Saint-Just et le proces des Dantonistes // *Annales Revolutionnaires.* 1908. An.1. P.101-102.
46. *Собуль А.* О миссии Сен-Жюста в Рейнскую армию (брюмер II года Республики) // *Собуль А.* Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 гг. и революции 1848 г. во Франции. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С.167-171.
47. *Сен-Жюст Л.А.* Речи. Трактаты / Сост. А.В.Гордон. СПб., 1995. С.159.
48. См.: *Нусинов И.М.* Проблема исторического романа. Виктор Гюго и Анатоль Франс. М.;Л., 1927. С.157-172; *Лиходзиевский С.И.* Анатоль Франс. Очерк творчества. - Ташкент, 1962. С.310-314.
49. *Le Bon G.* La Revolution francaise et la psychologie des revolutions. P., 1912; *Methvin E.H.* The rise of Radicalism. The Social Psychology of Messianic Extremism. New Rochelle (N.Y.), 1973; *Billington J.H.* Fire the Minds of Men: Origins of the Revolutionary Faith. L., 1980; *Poussou J.P.* Massacres, Terreur et Vertu // Le concept de revolution. Colloque du 10 mars, 1990. P., 1990. P.77-97; *Чудинов А.В.* На облаке утопии: жизнь и мечты Жоржа Кутона // *Кутон Ж.* Избранные произведения. 1793-1794. М., 1994. С.5-54. О такой трактовке якобинской ментальности см. также: *Галло М.* Открытое письмо Максимилиану Робеспьеру о новых щеголях // Иностранная литература. 1989. № 7.